

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И ЭПОХИ НАПОЛЕОНА

В.С. Ржецкий
А.В. Чудинов

РУССКИЕ «УЧАСТНИКИ» ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Но предание, несмотря на надпись, так укоренилось,
что, право, не знаешь, чему верить, тем более
что мы не привыкли верить надписям.
М.Ю. Лермонтов. «Герой нашего времени»

В конце XVIII в. Россия, пожалуй, меньше всех других стран Европы испытала на себе прямое влияние Французской революции – как идейное, так и политическое. Если кто-то из просвещенных россиян и питал какие-либо симпатии к принципам Революции, по крайней мере на первых ее порах, то такие симпатии все же носили слишком умозрительный характер, чтобы привести к появлению на берегах Невы или Москвы-реки доморожденных «якобинцев», как это, например, произошло в Ве-

Владислав Станиславович Ржецкий, кандидат исторических наук, преподаватель университета Париж X Нантер; Чудинов Александр Викторович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник ИВИ РАН.

Cette publication a été préparée dans le cadre et avec le soutien du programme GDRE.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ и Фонда Дом наук о человеке, Париж (Fondation Maison des sciences de l'homme, Paris) в рамках научно-исследовательского проекта № 08-01-94951 а/чел «Французская революция XVIII в. глазами русских аристократов и их французских гувернеров».

ликобритании, Германии, Италии или Венгрии. А.Н. Радищев, попытавшись своей книгой «Путешествие из Петербурга в Москву» «произвести в народе негодование противу начальников и начальства»¹, добился немногого – вошел в историю не только как первый, но и как единственный русский революционер того времени.

Удалось России избежать также и политического влияния Французской революции, каковое распространялось по Европе на штыках армий Первой республики – до российских границ те просто не добрались.

Во всем этом были свои несомненные плюсы.

Во-первых, Российской империи не угрожали кровавые внутренние усобицы под лозунгами, навеянными французскими идеями, подобные тем, что пришлось пережить Польше или Ирландии. Соответственно, не было в России и причин для столь же широких и суровых правительственных репрессий по отношению к своим поклонникам Французской революции, какие имели место, скажем, в Великобритании, где правительство, отменив *Habeas corpus act*, десятками депортировало отечественных «якобинцев» в Австралию, или в Неаполитанском королевстве, где с «якобинцами» итальянскими расправлялись руками плебса вообще без всякого суда. Разумеется, это отнюдь не означает, что в России совсем никого не преследовали за распространение «французской заразы», но подобные случаи носили единичный характер, вопреки распространенным и ни на чем не основанным клише. Характерен «аргумент» в «доказательство» якобы имевших тогда место в России «широких репрессий», высказанный известным советским историком, специально изучавшим данный вопрос: «Полицейские преследования, по-видимому, распространялись на широкий круг людей, оставшихся нам неизвестными»².

Во-вторых, России удалось дольше других стран держаться в стороне от общеевропейской войны, развязанной французскими революционерами. Объявив в 1792–1793 гг. войну поочередно всем ведущим европейским державам, они не сделали этого по отношению к слишком далекой от них России, хотя и не переставали клясть ее как «оплот деспотизма»³.

¹ Цит. по: *Бабкин Д.С.* Процесс А.Н. Радищева. М., 1952. С. 267.

² *Штраге М.М.* Русское общество и Французская революция 1789-1794 гг. М., 1956. С. 80. Курсив наш. – *Авт.*

³ Подробнее см.: *Митрофанов А.А.* Образ России в общественном мнении революционной Франции конца XVIII в. Автореф. дисс. ...канд. ист. наук. М., 2010.

К «минусам» же подобного положения вещей можно отнести то, что России из-за ее идейной и географической отдаленности от эпицентра революционных событий так и не довелось обзавестись собственными «деятелями Французской революции» – ни реальными, такими как участвовавшие в ней выходцы из других стран: итальянец Филиппе Буонарроти, англичанин Томас Пейн, ирландец Уолф Тон, немцы Георг Форстер и Анахарсис Клоотс и проч., – ни хотя бы виртуальными: среди тех иностранцев, кого Законодательное собрание Франции «за содействие делу разума и продвижение свободы» наградило в 1792 г. званием французских граждан (правда, большинство из них не пожелало таковым воспользоваться), не было ни одного россиянина.

Впрочем, в качестве «минуса» указанное обстоятельство россиянами – современниками Французской революции отнюдь не воспринималось. Даже у тех из них, кто первое время был ее восторженным почитателем, после установления режима Террора Революция вызывала, как правило, только ужас и отвращение.

Однако потомки судили иначе. На протяжении XIX в. в среде российской либерально настроенной интеллигенции сформировался, по определению А.И. Герцена, «культ» Французской революции: «передовые люди» того времени придавали ей квазисакральный смысл «пророчества» о будущем России⁴. После Октября 1917 г. этот «культ» не только не исчез, но, напротив, окреп и даже приобрел государственный характер: Французская революция XVIII в. стала частью исторической традиции, использовавшейся идеологами советского режима для его легитимации, а ее трактовка приняла форму своеобразного канона⁵. Естественно, при таком подходе отсутствие россиян в пантеоне героев Французской революции уже не могло не восприниматься как досадная лакуна. И ее стали заполнять упоминанием в обобщающих трудах о событиях во Франции конца XVIII в. трех наших соотечественников, ставших если и не «деятелями», то хотя бы «участниками» Революции:

Двое русских – молодые князья Голицыны, находившиеся в Париже в июле 1789 г., непосредственно участвовали в штурме ненавистной французскому народу крепости абсолютизма [Бастилии] и стали с этого времени горячими защитниками новой, революционной Франции. <...> Со всех концов мира в Париж приезжали люди, желавшие вблизи увидеть великие историче-

⁴ Подробнее см.: Чудинов А.В. Французская революция: история и мифы. М., 2007. Ч. 1. Гл. 1.

⁵ См.: Там же. Ч. 1. Гл. 2; Гордон А.В. Власть и революция: советская историография Великой французской революции. 1918–1941. Саратов, 2005; *Она же*. Великая французская революция в советской историографии. М., 2009.

ские события, запечатлеть их или поучиться у парижан, перенять их революционный опыт. Немецкий революционный публицист Георг Форстер, англичане – поэт Вордсворт и радикальный адвокат Эркин, русские – писатель и историк Карамзин и граф Строганов <...> побывали в Париже. Одни из них, как, например, Форстер или Строганов, стали горячими почитателями Французской революции; другие, как, например Карамзин, остались бесстрастными ее наблюдателями...⁶

П.А. Строганов, приехавший в начале революции в Париж и вступивший вскоре там в Якобинский клуб, публично высказывал надежду на то, что он увидит Россию обновленной посредством такой же революции, как Французская⁷.

Париж стал местом паломничества для «пилигримов свободы», как называли себя представители различных наций, приезжавшие во Францию, чтобы «подышать воздухом свободы». Среди них были и русские. Два брата, князя Голицыны, принимали участие в штурме Бастилии, а молодой граф П.А. Строганов, находясь в Париже, вступил в Якобинский клуб, за что по возвращении на родину был сослан в свою деревню⁸.

Таким образом, сопричастность России к Французской революции авторы классических трудов советской историографии доказывали включением в число участников революционных событий молодых князей Дмитрия Владимировича и Бориса Владимировича Голицыных и еще более молодого графа Павла Александровича Строганова (во Франции он жил под псевдонимом Очер), волею судеб оказавшихся тогда в Париже. Правда, никаких доказательств в подтверждение этого историки не приводили, очевидно, в силу того, что жанр обобщающего труда позволяет авторам не углубляться в детали.

Тем не менее это историографическое предание не только пережило советскую эпоху, но и получило развитие в наши дни. Так, автор новейшей родословной семьи Строгановых, изданной под грифом Российского дворянского собрания, добавил в «послужной список» Павлу Александровичу, помимо привычного якобинства, еще и те революционные деяния, которые ранее советские историки ставили в заслугу одним лишь Голицыным: «1789, 14 июля – под именем Павла Очера принимал активное участие во Французской революции и штурме Бастилии, член “Якобинского клуба”»⁹.

⁶ Манфред А.З. Великая французская революция. М., 1983. С. 100.

⁷ Там же. С. 110. Ср. также: Штранге М.М. Указ. соч. С. 70-71.

⁸ Ревуненков В.Г. Очерки по истории Великой французской революции. Падение монархии 1789-1792. Л., 1982. С. 91. Данное утверждение воспроизводилось и в последующих работах этого автора. Он же. Очерки по истории Великой французской революции 1789-1814 гг. СПб., 1996. С. 101; Он же. История Французской революции. СПб., 2003. С. 102.

⁹ Куцов И.В. Род Строгановых. Челябинск, 2005. С. 107.

А что же все-таки говорят об отношении к Французской революции трех русских аристократов «надписи», то есть исторические источники? Об этом-то и пойдет речь.

Строганов

Павел Строганов, самый младший из троих предполагаемых российских участников Французской революции, был сыном одного из первых богачей Российской империи, графа Александра Сергеевича Строганова (1733–1811). Тот, в свою очередь, являлся потомком старинного рода новгородских торговых людей, уже в XIV в. имевшего обширные владения на Русском Севере, а с XVI в. также на Урале и в Сибири. Его отца Сергея Григорьевича Петр I за заслуги перед отечеством возвел в баронское достоинство, а сам Александр Сергеевич с 1761 г. носил титул графа. Юность свою он провел в путешествиях по Западной Европе, где завершил начатое дома образование. По возвращении он в 1757 г. женился на Анне Воронцовой, дочери графа М.И. Воронцова. Брак, однако, не сложился, и в 1762 г. супруга А.С. Строганова вернулась в родительский дом. В 1769 г. она умерла. В 1771 г. граф женился на княжне Екатерине Петровне Трубецкой. После свадьбы супруги уехали во Францию.

В Париже у Строгановых 7/18 июня 1772 г.¹⁰ родился сын Павел. О его первых годах жизни нам почти ничего не известно. Историки семьи Строгановых дают весьма противоречивые сведения даже о ее составе. Так, в литературе высказывались разные точки зрения относительно того, был ли Павел единственным ребенком в семье или имел еще и сестру. Некоторые из авторов вообще не упоминали о ней. Н.М. Колмаков же утверждал: «7 июня 1774 года у графа Строганова родился сын Павел, – была еще и дочь Наталия, но она умерла в молодых годах, не оставив после себя никаких следов своего существования»¹¹. О Наталии как единственной сестре П.А. Строганова сообщали также великий князь Николай Михайлович и Т. Меттерних¹². А вот в работе Ф.А. Волегова и А.А. Дмитриева, пермских историков рода Строгановых, читаем, что детьми графа Александра Сергеевича были

¹⁰ Здесь и далее, когда даты даются по старому и новому стилю, число перед косой чертой соответствует первому из них, после черты – второму.

¹¹ Колмаков Н.М. Дом и фамилия графов Строгановых, 1752-1887 // Русская старина. 1887. № 3. С. 595.

¹² См.: Николай Михайлович, вел. кн. Граф Павел Александрович Строганов. Т. 1. СПб., 1903. С. 14; Metternich T. Les Stroganoff. Une histoire de la Russie à travers une chronique familiale. Neuilly, 1991. P. 77.

«...дочь, графиня София Александровна, скончавшаяся 16 лет, и сын, граф Павел Александрович»¹³. Это мнение представляется наиболее близким к действительности. Среди личной корреспонденции П.А. Строганова, хранящейся ныне в Российском государственном архиве древних актов (далее – РГАДА), есть два письма Софьи Строгановой от 16 апреля 1787 г. и 8 мая 1789 г., написанные детским почерком по-французски и адресованные «дорогому брату»¹⁴. Родилась Софья Александровна примерно в июле 1778 г.: именно в это время в Париже, где тогда жил с семьей граф Александр Сергеевич, получили распространение шуточные стихи его друга, аббата Рузо «Православное крещение. Посвящается г-ну графу Строганову, русскому вельможе, по случаю крещения его дочери»¹⁵. Относительно же даты и обстоятельств ее смерти каких-либо определенных сведений нам найти не удалось. Отметим лишь, что она не была похоронена на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры в Санкт-Петербурге, где находятся могилы большинства других представителей рода Строгановых, умерших в XVIII–XIX вв.¹⁶

Да и год рождения самого Павла Строганова приводится в литературе по-разному. Как мы уже видели, Н.М. Колмаков указывал 1774 г. И это отнюдь не опечатка. Именно такая дата была, очевидно ошибочно, проставлена на надгробном памятнике Павла Александровича, тогда как сам он считал своим годом рождения 1772-й¹⁷.

* * *

Отец Павла, граф А.С. Строганов, живя во Франции, играл видную роль в масонском движении. В 1773 г. он был одним из основателей Великого Востока – общенационального объединения французских масонов, входя в состав комиссии, разработавшей систему высших степеней Ордена. В дальнейшем

¹³ См. *Волегов Ф. А., Дмитриев А.А.* Родословная гг. Строгановых // Пермский край. Т. 3. Пермь, 1895. С. 191.

¹⁴ См.: РГАДА. Ф. 1278 Строгановы. Оп. 1. Д. 348. Лл. 200-201.

¹⁵ См.: *Bachaumont L., petit de.* Mémoires secrets pour servir à l'histoire de la République des lettres en France depuis MDCCLXII jusqu'à nos jours ; ou Journal d'un observateur. Londres, 1779. Т. 12. Р. 47-49.

¹⁶ См. *Саитов В.И.* Петербургский некрополь. Т. 4. М., 1913. С.181-184. Составитель новейшей родословной Строгановых, ссылаясь на упомянутых выше Ф.А. Волегова и А.А. Дмитриева, дает следующую справку о сестре Павла: «Род. 1776 в Париже. Ум. 1794. Похоронена, вероятно, в селе Марьино Новгородского уезда». – *Купцов И.В.* Указ. соч. С. 112. Однако в таком случае получается, что С.А. Строганова прожила 18 лет, что противоречит утверждениям тех же авторов.

¹⁷ См.: *Николай Михайлович, вел. кн.* Указ. соч. Т. 1. С. 37.

он был одним из руководителей Великого Востока, занимая последовательно должности Эксперта Административной палаты, Великого Хранителя печатей и Великого Первого надзирателя¹⁸. В 1776 г. А.С. Строганов стал членом одной из наиболее знаменитых лож XVIII в. – ложи Девяти сестер, объединявшей выдающихся деятелей науки и культуры своего времени: в ней состояли Вольтер и Б. Франклин, математики Ж. Ланд и Кондорсе, скульптор Ж.А. Гудон, астроном Ж.С. Байи, химики К.Л. Бертолле и А.Ф. Фуркруа.

По-видимому, именно в ложе Девяти сестер Строганов близко сошелся с Жильбером Роммом (1750–1795), занимавшим в ней должность эксперта¹⁹. Уроженец овернского городка Риом, Ромм с 1774 г. жил в Париже, зарабатывая себе на хлеб частными уроками математики и тщетно пытаясь получить себе какое-либо доходное место, связанное с занятием науками²⁰. Его-то граф А.С. Строганов и пригласил в 1779 г. для воспитания своего сына Павла, или, как того звали в семье, Попо. В сентябре того же года семья Строгановых уехала из Франции в Россию.

В России Ромм и его воспитанник жили с конца 1779 г. до середины 1786 г. Они много путешествовали – через Москву, Нижний Новгород и Казань на Урал (1781), в Выборг и к водопаду Иматра (1783), по Карелии и Белому морю на Соловки (1784), в Киев (1785), а оттуда в Крым (1786). С июля 1786 г. маршруты странствий юного Строганова и его гувернера пролегали уже по странам Западной Европы: Германии, Франции, Швейцарии. Повсюду Ромма и Попо сопровождал художник Андрей Воронихин, бывший крепостной Строгановых, в будущем – великий архитектор, зодчий Казанского собора в Петербурге. С 1787 г. к ним присоединились также юный барон Григорий Строганов, троюродный брат Павла, в дальнейшем – видный русский дипломат, и его гувернер Жак Демишель, земляк и друг Ромма. Обо всем уви-

¹⁸ См.: *Вернадский Г.В.* Русское масонство в царствование Екатерины II / Под ред. М.В. Рейзина и А.И. Серкова. СПб., 1999. С. 92, 364; *Dictionnaire de la Franc-Maçonnerie / Dir. D. Ligou.* P., 1991. P. 1142.

¹⁹ *Amiable L.* Une Loge Maçonique avant 1789, la R. L. des Neuf-Soeurs / Augmenté d'un commentaire et de notes critiques de Ch. Porset. P., 1989. P. 389-393.

²⁰ О биографии Ромма см.: *Galante Garrone A.* Gilbert Romme: histoire d'un révolutionnaire. P., 1971; *Чудинов А.В.* Жильбер Ромм и Павел Строганов: история необычного союза. М., 2010 (в печати). Истории взаимоотношений Ромма и семьи Строгановых посвящена обширная литература, изобилующая, правда, многочисленными легендами и фактическими неточностями. Подробнее см.: *Чудинов А.В.* «Русский принц» и француз-«царевый» (История необычного союза в документах, исследованиях и художественной литературе) // Исторические этюды о Французской революции. Памяти В.М. Далина (К 95-летию со дня рождения). М., 1998.

денном по пути Попо и его наставник регулярно сообщали графу А.С. Строганову в своих письмах.

В конце мая 1788 г. Ромм и Павел Строганов покинули Женеву, где прожили к тому моменту уже около двух лет, и прибыли во Францию. Подробно история их пребывания там во время «пред-революции», а затем и самой Революции, освещалась в ряде работ одного из авторов этих строк²¹, что позволяет нам ограничиться здесь перечислением лишь ее основных вех.

Период с начала июня и до 19 августа 1788 г. Попо и его гувернер провели в Оверни, либо в деревушке Жимо, где у матери Ромма был свой большой дом, либо путешествуя по провинции. О том, что в первую очередь привлекало внимание самого юного графа, мы можем судить по трем сохранившимся его письмам отцу (см. ниже Приложение 1. Док. 1–3). В первом из них Павел рассказывает о религиозном празднике в Риоме, во втором подробно описывает систему церковной благотворительности в том же городе, третье целиком посвящено взаимоотношениям Попо с его учителем, о чем подробнее будет сказано чуть ниже. Пока же лишь отметим, что, судя по этим текстам, наиболее живой интерес из всего увиденного юноша, похоже, проявлял к аспектам, так или иначе связанным с религией. И это впечатление не обманчиво.

С детских лет Павла Строганова отличала глубокая религиозность, что во многом было связано с особенностями его воспитания. Родившись в Париже и живя там с родителями до семилетнего возраста, он своим родным языком считал французский. Когда же семья вернулась в Россию, мальчика стали усердно учить русскому языку и основам православия. Разумеется, ни в том, ни в другом Ромм не был компетентен, и задача преподавания этих предметов легла на плечи русских учителей. Более того, согласно педагогической теории Ж.Ж. Руссо, каковую Ромм положил в основу своей системы воспитания, регулярные занятия с ребенком следовало начинать лишь с 12 лет, почему Ромм и приступил к ним только в 1784 г. С семи же до двенадцати лет, когда ребенок особенно восприимчив к новым впечатлениям, Попо систематически изучал лишь русский язык и религию. Да и позднее, как свидетельствуют письма юного Строганова из Киева 1785–1786 гг., эти предметы занимали наибольшую часть его учебного

²¹ См.: Чудинов А.В. «Русский якобинец» Павел Строганов. Легенда и действительность // НиНИ. 2001. № 4; *Он же*. Книжные приобретения Ж. Ромма и П.А. Строганова в революционном Париже (1789–1790) // Век Просвещения. Вып. 1. М., 2006; *Он же*. Французская революция: история и мифы. М., 2007. Ч. 3. Гл. 3.

времени. Неудивительно, что к моменту отъезда за границу, где Павлу предстояло интенсивно осваивать естественные и точные дисциплины, его религиозные убеждения были уже достаточно прочными. Как отмечал Ромм в одном из писем А.С. Строганову: «Особенно живой интерес он проявляет к Священному писанию. В те моменты, когда мы можем заняться чтением, я ему предлагаю различные интересные работы, которые он мог бы слушать с удовольствием, но он постоянно предпочитает Ветхий или Новый Завет»²².

В литературе нередко встречается мнение о том, что воззрения Павла Строганова полностью определялись Роммом и совпадали со взглядам наставника²³. В действительности отношения учителя и ученика были далеко не столь гладкими и периодически омрачались острыми конфликтами. Вступая в должность гувернера, Ромм питал надежду создать из своего воспитанника того самого «естественного человека», которого Руссо изобразил в знаменитом трактате «Эмиль, или О воспитании». Однако живой ребенок оказался совсем не похож на выдуманного Эмиля, особенно когда подошел к подростковому возрасту. В письмах старшему Строганову Ромм не раз жаловался то на «излишнюю живость» Попо, то на его «инертность и лень». Учитель и ученик ссорились, не разговаривая порою по много дней и общаясь между собой только в письменной форме. Конфликты не прекратились и после отъезда из России. Правда, юноша, надо признать, весьма болезненно переживал размолвки с учителем, ибо считал, что, допуская их, проявляет непослушание воле отца и, соответственно, нарушает долг христианина. Тем не менее его третье письмо из Оверни (от 11/22 июля) показывает, что отношения молодого графа и его гувернера по-прежнему омрачались ссорами.

О первой части своего путешествия с наставником по маршруту Сент-Этьен – Фор – Аннонэ – Лион Павел рассказал отцу в послании от 27 августа / 7 сентября 1788 г. (Приложение 1. Док. 4). Затем они побывали в Крезе, где осмотрели знаменитые металлургические заводы, после чего вернулись в Лион, откуда Попо в письме от 21 октября / 1 ноября известил старого графа, что следующим пунктом их назначения будет Париж (Приложе-

²² Ж. Ромм - А.С. Строганову, 5/16 апреля 1787 г. - РГАДА. Ф. 1278 Строгановы. Оп. 1. Д. 348. Л. 277об.

²³ Раткевич К.И. К биографии Жильбера Ромма. (Его рукописное наследство в архивах СССР) // Ученые записки ЛГУ. Л., 1940. № 52. Серия исторические науки. Вып. 6. С. 265. Далин В.М. Первый русский якобинец // Он же. Люди и идеи. М., 1970. С. 10.

ние 1. Док. 5). В письме тетке, написанном в тот же день, Павел пояснил, что они решили ехать в столицу в связи с предстоящим созывом Генеральных штатов (Приложение 1. Док. 6). Любопытно, что происходившие до того времени политические события во Франции не только никак не влияли на разработанный Роммом план учебы воспитанника, но даже не находили никакого отражения в корреспонденции обоих. Однако всплеск общественной активности, вызванный королевским указом от 8 августа 1788 г. о предстоящих выборах, явно не остался ими незамеченным. Ну а поскольку главной целью их путешествий было знакомство со всевозможными достопримечательностями, наставник и его подопечный не могли оставить без внимания такую редкость, как собрание представителей трех сословий, не созывавшееся с 1614 г. С этого же времени отзвуки политических событий нет-нет да и появляются в корреспонденции Павла Строганова и Ромма наряду с привычным перечислением увиденных достопримечательностей, как, например, в письме от 16 ноября из Безансона (Приложение 1. Док. 7).

* * *

В Париж они, очевидно, прибыли 24 декабря 1788 г., поскольку в письме от 16 декабря Павел сообщает: «Уже три дни тому назад как мы в Париже» (Приложение 1. Док. 8); ну а поскольку он обычно датировал свои послания либо одновременно числами старого и нового стилей, разница между которыми составляла 11 дней, либо (как, очевидно, и на сей раз) только старого, то, произведя соответствующие вычисления ($16-3+11$), мы получим 24 декабря.

Хотя желание воочию узреть исторические события, связанные с созывом Генеральных штатов, и побудило Ромма изменить маршрут путешествия, тем не менее главной целью для него по-прежнему оставалось образование воспитанника, прежде всего в области естественных и точных наук. В дополнении к письму Павла от 16 декабря (ст. ст.) 1788 г. Ромм подробно излагает свои педагогические планы. Об их основательности свидетельствует и его письмо А.С. Строганову от 12/23 февраля 1789 г., где представлена развернутая программа обучения Попо²⁴. Этот документ в значительной степени проливает свет и на причины изменения

²⁴ Полный текст этого письма см.: Чудинов А.В. Ж. Ромм и П. Строганов в революционном Париже (1789–1790 гг.) // Россия и Франция XVIII–XX вв. Вып. 2. М., 1998. С. 56–58.

Роммом фамилии своего подопечного на Очер. Жизнь инкогнито должна была, по мысли наставника, избавить молодого человека от необходимости возвращаться в светских кругах с их многочисленными соблазнами, а потому рассматривалась Роммом прежде всего как необходимое условие нравственного воспитания юноши. Вот почему вопрос о перемене имени встал одновременно с принятием решения о поездке в Париж – в октябре 1788 г. Впервые упоминание о псевдониме Павла Строганова появляется в письме Ромма его овернскому приятелю Дюбрелю, отправленном из Лиона 4 октября 1788 г.: «Я счел уместным изменить имя Попо. Барон [Г.А. Строганов] также захотел изменить свое, о чем он известит вас лично. Попо выбрал имя “Очер” по названию одного из владений его отца в Сибири. Пожалуйста, примите это во внимание. Во время пребывания в Париже его надо называть просто г-н Очер. Графа Строганова там быть не должно»²⁵. Павел известил об этом решении отца письмом из Лиона от 21 октября/1 ноября (Приложение 1. Док. 5).

В Париже учебные занятия Павла Строганова продолжались, как и прежде, а объем их, возможно, даже увеличился. Согласно данным книги расходов, которую вел Ромм, сразу после их приезда был нанят учитель немецкого языка, а немного погодя Павел и присоединившийся к нему Григорий Строганов стали посещать курсы военного искусства²⁶. Круг их общения, судя по переписке, также составляли в основном люди, связанные с науками. Любопытно, что письма Павла и его учителя в Петербург зимой и весной 1789 г. не содержат ни малейшего упоминания о политических событиях. Может быть, ни тот, ни другой просто не хотели лишней раз волновать старого графа? Однако другой источник, а именно – переписка Ромма с его риомскими друзьями, также свидетельствует о том, что и наставник и его ученик до мая 1789 г. обращали на политику мало внимания, сосредоточившись в основном на занятиях науками²⁷.

В апреле пришло сообщение из Петербурга о смерти барона А.Н. Строганова, отца троюродного брата Павла. Григорий начал готовиться к отъезду в Россию. Письмо от 31 марта/11 апреля, которым Павел откликнулся на столь печальное известие, ярко показывает глубокую и очень искреннюю религиозность этого еще совсем молодого человека (Приложение 1. Док. 11).

²⁵ Museo del Risorgimento di Milano (далее – MRM). Romme MSS. Carton 1. D. 19.

²⁶ Ibid. Carton 2. D. 36. См. также: *Galante Garrone A.* Op. cit. P. 162.

²⁷ См.: *Galante Garrone A.* Op. cit. P. 162-167.

В мае, с открытием Генеральных штатов, распорядок занятий Павла Строганова претерпел серьезные изменения. Ромм и его подопечный начали регулярно посещать Версаль, где с трибуны наблюдали за работой Штатов. Водоворот революционных событий все глубже затягивал и учителя, и ученика. В монографии А. Галанте-Гарроне детально показан процесс быстрой радикализации в мае–июне 1789 г. взглядов Ромма, прежде достаточно безразлично относившегося к политике. О воззрениях его подопечного известно гораздо меньше. Логично предположить, что резкая смена обстановки, когда юноша, которого долгое время воспитывали анахоретом, вдруг оказался в гуще политических страстей, произвела на него достаточно сильное впечатление. Если еще осенью предыдущего года политика имела для него более чем второстепенное значение, то с июня 1789 г. она регулярно появляется в его письмах к отцу. Ромм же, напротив, в своих посланиях старшему Строганову вообще старался не касаться политических тем, рассказывая преимущественно об успехах своего воспитанника в учебе. И только после восстания 14 июля, получившего огромный резонанс не только во Франции, но и далеко за ее пределами, в письмах наставника появляются упоминания о политике. С этого времени мало какое из писем уже не только Павла Строганова, но и Ромма обходится без сообщений о событиях революции.

Между тем «политическое образование» обоих продолжалось, поглощая практически все их время. Прочие занятия оказались заброшены. Поездки в Версаль стали практически ежедневными, а с 11 августа Ромм даже снял там квартиру, которую они с Павлом покинут лишь в октябре, с переездом Национального собрания в Париж²⁸.

В какой степени эти уроки «политграмоты» были усвоены юным графом? Политика, действительно, стала наиболее подробно освещаемой в его корреспонденции темой. Особое внимание Павел уделял вопросу снабжения городов продовольствием, считая основной причиной народных волнений недостаток хлеба. Едва ли не в каждом письме он так или иначе касался этой темы. Письмо от 17/28 декабря 1789 г. показывает, что перспективу гражданского умиротворения во Франции Павел связывал именно с благоприятным урожаем грядущего года (Приложение 1. Док. 24).

²⁸ MRM. Romme MSS. Carton 2. D. 36. См. также: *Galante Garrone A. Gilbert Romme*. P. 167.

Неоднократно встречающиеся в письмах А.С. Строганову совпадения в оценках событий Роммом и его подопечным дают основание говорить о значительном влиянии на Павла Строганова взглядов его наставника. И все же отсюда еще отнюдь не следует, что ученик смотрел на происходящее исключительно глазами учителя и полностью разделял его воззрения. С появлением нового и общего для обоих увлечения политикой прежние противоречия в их личных отношениях не только не исчезли, но даже усилились. Если еще осенью 1788 г., во время путешествия по Франш-Конте, Ромм докладывал старшему Строганову о том, что вполне удовлетворен поведением воспитанника, который проявляет все большую готовность к послушанию (Приложение 1. Док. 7), то уже летом 1789 г. конфликты между учителем и учеником возобновились, о чем Попо сообщил отцу 19/30 августа (Приложение 1. Док. 17).

К сожалению, из корреспонденции не ясно, в чем именно проявлялись разногласия между Роммом и младшим Строгановым. Возможно, повзрослевший Павел все больше тяготился мелочной опекой со стороны наставника? А может просто сказывалась разница в темпераментах?²⁹ Во всяком случае, она весьма заметна в отношении каждого из них к происходившим вокруг событиям. Задумчивый, чувствительный и глубоко религиозный юноша далеко не в полной мере разделял тот революционный энтузиазм, которым все больше проникался Ромм. Наставник Павла ощущал себя полноправным участником революции. Начав с того, что добровольно взял на себя миссию информировать земляков о работе Национального собрания, он к концу 1789 г. являлся уже одним из наиболее активных вдохновителей «левых» своего родного города. В письмах Дюбрёлю, которые в Риоме зачитывались вслух перед многочисленной аудиторией, Ромм оправдывал совершаемые в стране акты революционного насилия³⁰. И даже в письмах А.С. Строганову, где Ромм, разумеется, умалчивал о своем личном участии в политике, он не скрывал сочувствия к происходившим переменам.

Настроения же Павла Строганова, выраженные в письмах отцу, составляют удивительный контраст с восторженным энтузиазмом Ромма. При несомненной симпатии к переменам в обще-

²⁹ Ромм и ранее выказывал недовольство «чрезмерной» медлительностью воспитанника, его склонностью к созерцательности и долгим размышлениям. См., например: *Николай Михайлович, вел. кн. Указ. соч.* Т. 1. С. 323.

³⁰ MRM. Romme MSS. Carton 1. D. 20.

ственном устройстве Франции юноша смотрит на них с позиции доброжелательного, но все же стороннего наблюдателя, не ощущая себя участником происходящего и в какой-то степени даже испытывая определенный душевный дискомфорт от царящего вокруг неурядица. Что у него вызывает действительно сильные переживания, так это трудности, с которыми в тот момент столкнулась Россия, – войны со Швецией и Турцией, угроза внутренних неурядиц. Лейтмотив корреспонденции П.А. Строганова зимой и весной 1790 г. – это желание скорейшего прекращения раздирающих Европу войн и мятежей, установления гражданского согласия во Франции и замирения России с соседями. В письме от 14/25 января 1790 г. Павел выказывает самую живую обеспокоенность возможными беспорядками в России (Приложение 1. Док. 26). Когда же сведения о мятеже в России не подтвердились, это известие дало юноше еще один повод высказаться в письме от 12/23 марта в пользу внешнего и внутреннего мира (Приложение 1. Док. 28). Подобное постоянство во мнениях свидетельствует, на наш взгляд, об уже сложившейся и достаточно устойчивой основе мировоззрения юноши, явно отдававшего предпочтение мирному развитию событий перед революционными и военными потрясениями.

10 января 1790 г. Ромм и еще пара десятков революционных энтузиастов из числа постоянных посетителей Национального собрания основали небольшой политический клуб – «Общество друзей закона», куда вошел и Павел Строганов. Наиболее колоритной фигурой среди участников была знаменитая Теруань де Мерикур. Уроженка Люксембурга, красавица 26-ти лет, она прославилась своим активным участием в событиях 5-6 октября 1789 г. Первые заседания клуба проходили у нее дома. Ромм был избран председателем Общества, Теруань де Мерикур – архивистом, Строганов – библиотекарем. Впрочем, деятельность Строганова в рядах «Друзей закона» активностью не отличалась: на всех заседаниях он играл молчаливую роль статиста. Ромм, напротив, был душой и лидером Общества, одним из главных вдохновителей всех дискуссий³¹.

Занятый политикой и революционным воспитанием подопечного, Ромм, похоже, упустил из виду, что их новые занятия могут вызвать неодобрение и старого графа, и властей России, подданным которой был его ученик. Так и случилось: в письме

³¹ Galante Garrone A. Op. cit. P. 201-224.

от 18 марта 1790 г. А.С. Строганов настоятельно рекомендовал губернатору увезти Попо из Парижа³². Однако Ромм и не подумал принять совет к действию. С конца мая он был занят организацией крупной политической акции — празднования первой годовщины клятвы в Зале для игры в мяч³³. Разумеется, ни о каком отъезде для него не могло быть и речи. Вместе с тем были предприняты некоторые шаги, чтобы успокоить старого графа: в корреспонденции к нему ни Ромм, ни даже Павел больше не касались Революции, зато оба вновь «вспомнили» о научных сюжетах, уже давно исчезнувших из их писем.

Тем временем подготовка к празднованию годовщины клятвы в Зале для игры в мяч вступила в заключительную стадию. 19 июня Ромм во главе делегации из 20 членов «Общества клятвы в Зале для игры в мяч», созданного в ходе подготовки к празднику, представил в Национальное собрание мемориальную доску, которая должна была увековечить память о происшедшем год назад историческом событии. На другой день в Версале состоялось публичное открытие этой доски, сопровождавшееся торжественными речами и массовым шествием по городу. Вечером под председательством Ромма состоялся банкет на 250 персон, включая таких видных деятелей революции, как А. Барнав, братья Шарль и Александр Ламетты, А. Дюпор, М. Робеспьер, Ж. Дантон и другие. Очевидно, в праздничных мероприятиях участвовал и П. Строганов, поскольку его подпись в числе других стояла под принятым по итогам торжеств и представленным 3 июля в Национальное собрание обращением «Общества клятвы в Зале для игры в мяч»³⁴.

Праздник имел общенациональный резонанс и принес Ромму как главному организатору широкую известность. Тот ликовал, но уже 16 июля ему пришлось пережить жестокое огорчение. В этот день (о чем есть соответствующая пометка в записной книжке Ромма³⁵) пришло письмо А.С. Строганова от 20 июня теперь уже не с советом, а с категоричным требованием покинуть Париж. Впрочем, старый граф лишь ненадолго предвосхитил то, что вскоре от его сына официально потребуют российские власти³⁶. Хотя он и выразил свою волю в форме просьбы, однако сде-

³² Николай Михайлович, вел. кн. Указ. соч. Т. 1. С. 251.

³³ Galante Garrone A. Op. cit. P. 225.

³⁴ Ibid. P. 227-234.

³⁵ См.: Ibid. P. 237, note 4; MRM. Romme MSS. Carton 2. D. 38.

³⁶ См.: Французская революция 1789 г. в донесениях русского посла в Париже И.М. Симолина // Литературное наследство. Т. 29/30. М., 1937. С. 437; Дневник А.В. Храповицкого. М., 1901. С. 202.

лал это столь определенно, что лишил Ромма всякой возможности и далее откладывать отъезд под благовидными предложениями. Учитель Павла был в ярости: во-первых, ему предстояло покинуть столицу как раз в тот момент, когда его революционная карьера обрела весьма многообещающие перспективы, во-вторых, безвозвратно рушился план революционного воспитания ученика³⁷. Вынужденный подчиниться воле старшего Строганова и покинуть Париж, Ромм заявил, что будет «дождаться окончательного решения» старого графа у себя на родине в Жимо³⁸.

И вот когда стало ясно, что их скорый отъезд из столицы неминуем, тогда-то и произошло событие, которое многие историки считают кульминацией пребывания Павла Строганова в революционной Франции, а именно — вступление «гражданина Очера» в Якобинский клуб. Согласно сохранившемуся в бумагах Ромма сертификату Общества, это произошло 7 августа³⁹. А уже 10 августа департамент полиции Парижского муниципалитета выписал путешественникам паспорт для следования в Риом⁴⁰. Спустя еще три дня они отправились в путь. Таким образом, Павел Строганов реально состоял членом Якобинского клуба менее недели. Какой же тогда был смысл ему вообще записываться в якобинцы? При полном отсутствии какой-либо практической значимости данного шага, Ромм, очевидно, придавал ему символическое значение. С одной стороны, этот акт становился логическим завершением курса «политического воспитания» юноши, осуществлявшегося наставником в течение предыдущего года, своего рода инициацией, посвящением в «свободные люди». С другой стороны, Ромм тем самым как бы мстил А.С. Строганову за свои рухнувшие планы, самым грубым образом нарушая недвусмысленно выраженную волю старого графа. В пользу такого предположения говорит тот факт, что запись Павла в Якобинский клуб произошла именно после того, как было получено письмо его отца с требованием покинуть Францию. Ранее Ромм с воспитанником не раз посещали заседания якобинцев в качестве зрителей⁴¹, но лишь теперь, накануне отъезда было принято решение о вступлении Очера в клуб. Причем сам наставник, судя по сертификату Якобинского клуба, сохранившемуся в его лич-

³⁷ См: *Galante Garrone A. Gilbert Romme. Histoire d'un révolutionnaire. P. 238.*

³⁸ См.: *Николай Михайлович, вел. кн. Указ. соч. Т. 1. С. 275-278.*

³⁹ MRM. Romme MSS. Carton 1. D. 4.

⁴⁰ Ibid. D. 5.

⁴¹ *Galante Garrone A. Gilbert Romme. Histoire d'un révolutionnaire. P. 235 note 1.*

ном архиве, записался в это же Общество лишь три года спустя – 3 мая 1793 г.⁴² То есть, если для Ромма вступление в якобинцы станет в свое время вполне осознанным шагом взрослого человека и опытного политика, имевшего к тому моменту за спиной год депутатства в Законодательном собрании и год – в Конвенте, то семнадцатилетний Павел Строганов был явно направлен на этот путь своим старшим товарищем, возможно, не отдавая себе отчет в значении данного шага.

Во всяком случае, последующее поведение юноши в Жимо мало отвечало тому образу сознательного и активного революционера, который рисует нам историографическое предание. Племянница Ромма Миетт Тайан так описывала своей подруге различие в интересах своего дяди и его подопечного, проявившееся за время их пребывания в деревне:

«Ты знаешь, моя дорогая подруга, заговорили о том, чтобы избрать г-на Ромма депутатом. Такой выбор сделал бы честь патриотам. Народ получил бы в его лице ревностного защитника. В ожидании того момента, когда его голос зазвучит с трибуны, он пользуется им для просвещения сограждан. Каждое воскресенье он собирает вокруг себя множество крестьян, которым читает газеты и объясняет новые законы. <...> Г-н Граф, пока его гувернер разглагольствует перед обитателями Жимо, пользуется моментом, чтобы развлекаться с юными селянками»⁴³.

Пожалуй, единственная область политики, к которой юный Строганов по-прежнему испытывал интерес, была международная. Его письма к отцу показывают, что и в Оверни, как прежде в Париже, он жадно ловил вести о международных делах России и, прежде всего, о ее войнах с Турцией и Швецией.

Таким образом, питая симпатии к тем идеям, которые ему пытался привить Ромм, Павел Строганов все равно оставался по отношению к Французской революции хоть и сочувствующим, но все же сторонним наблюдателем, и, напротив, никогда не переставал ощущать себя верноподданным российской императрицы. Откуда же взялось время от времени всплывающее в историографии утверждение, будто Павел Строганов «публично высказывал надежду на то, что он увидит Россию обновленной посредством такой же революции, как Французская»⁴⁴? Впервые оно появи-

⁴² MRM. Romme MSS. Carton 1. D. 4.

⁴³ *Bouscayrol R. Les lettres de Miette Tailhand-Romme (1787-1797). Clermont-Ferrand, 1979. P. 110.*

⁴⁴ *Манфред А.З.* Указ. соч. С. 110. См. также: *Успенский В.С.* Павел Александрович Строганов // *ВИ.* 2000. № 7. С. 90; *Гавлин М.Л.* Из истории Российского предпринимательства: династия Строгановых. М., 2003. С. 71.

лось в книге французского публициста XIX в. Л. Пэнго о французах в России и русских во Франции⁴⁵. В качестве источника своих сведений о пребывании Павла Строганова в революционном Париже Пэнго ссылался на первую биографию Ромма, написанную овернским историком Марком де Виссаком⁴⁶. Однако де Виссак ни словом не упоминал о каком-либо подобном заявлении юного графа. Пэнго таковое, видимо, просто выдумал, а уже затем излишняя доверчивость других авторов сделала его голословное утверждение частью историографической традиции.

Ключевой для воззрений Павла Строганова можно считать следующую фразу из его послания Демишелю в ноябре 1790 г.: «В письме, которое я с частной оказией отправил отцу и где соответственно мог ему открыться, я сообщил, как *я восхищаюсь Революцией*, но в то же время дал ему знать, что *полагаю подобную революцию непригодной для России*»⁴⁷.

В ноябре 1790 г., чтобы увезти юного Строганова на родину за ним приехал его двоюродный брат Н.Н. Новосильцев, и в начале декабря они вдвоем покинули Францию. Этим и закончилось «участие» Павла Строганова во Французской революции.

Голицыны

Два других предполагаемых русских «участника» Французской революции – братья Голицыны, Борис Владимирович⁴⁸ и Дмитрий Владимирович – были так же, как и Павел Строганов, потомками известного аристократического рода, только еще более знатного – княжеского⁴⁹. Их отец, Владимир Борисович Голицын (1731 – после 1793), был одним из сыновей князя Бориса Васильевича (1705–1768), адмирала, генерала-фельдцейхмейстера, а затем генерал-кригс-комиссара флота. Сам Владимир Борисович, тоже избрав военную стезю, дослужился лишь до чина бригадира. В 1766 г. он женился на Наталье Петровне Чернышевой (1741–1837), которая и стала матерью героев нашего рассказа.

Имя Наталье Петровны еще не раз встретится в нашем повествовании: ведь именно ей направлялись те письма ее сыновей и их гувернера, по которым мы сегодня можем судить о жиз-

⁴⁵ Pingaud L. Les Français en Russie et les Russes en France. P., 1886. P. 118.

⁴⁶ Vissac M. de. Romme le Montagnard. Clermont-Ferrand, 1883.

⁴⁷ Николай Михайлович, вел. кн. Указ. соч. Т. 1. С. 302. Курсив наш – Авт.

⁴⁸ Подробнее о нем см.: Цоффка В.В. Князь Б. В. Голицын (1769-1813) как личность екатерининской эпохи // Международная конференция «Екатерина Великая: эпоха российской истории»: Тезисы докладов. СПб., 1996. С. 324-327.

⁴⁹ О семье Голицыных подробнее см.: Шереметев П. Вяземы. Пг., 1916.

ни братьев Голицыных в революционном Париже. По признанию современников, это была женщина поистине незаурядная. Достаточно сказать, что уже на склоне лет она послужила одним из прототипов для главной героини повести А.С. Пушкина «Пиковая дама»⁵⁰.

Наталья Петровна родилась в семье графа Петра Григорьевича Чернышева (1712–1773). Будучи старшим сыном денщика Петра Великого, сам П.Г. Чернышев дослужился до чина действительного тайного советника, был действительным камергером и сенатором. Его восхождению в немалой степени способствовала женитьба на дочери графа Андрея Ивановича Ушакова, начальника Тайной канцелярии. Рано начав дипломатическую карьеру, П.Г. Чернышев подолгу жил за границей. Наталья родилась как раз накануне отъезда отца в Данию, куда он был назначен чрезвычайным посланником (в конце того же года его перенаправили в Берлин). В 1746 г. П.Г. Чернышев стал российским послом в Лондоне, где прожил с семьей до 1755 г. Таким образом, детство Натальи Петровны прошло в основном в Англии. Она привыкла к образу жизни англичан и позднее как-то в одном из писем даже назвала их своими соотечественниками, за что получила шутливую отповедь старшего сына. Она любила эту страну и, находясь в конце 1780-х гг. с детьми за границей, предпочитала ее беспокойному Парижу, что весьма огорчало сыновей, с нетерпением ожидавших приезда любимой *taman*. Однако благодаря их разлуке мы и располагаем сегодня ценнейшим источником — обширной перепиской, позволяющей узнать немало подробностей о пребывании русских аристократов в революционной Франции.

Выйдя замуж за красивого, но слабохарактерного В.Б. Голицына, решительная и волевая Наталья Петровна стала фактически «главой семьи». У супругов было пятеро детей. Старший сын, Петр, появился на свет в 1767 г. и умер в детском возрасте, не прожив и шести лет. Наши герои — Борис и Дмитрий — родились соответственно 6 января 1769 г. и 29 ноября 1771 г. Кроме них, в семье было еще две дочери — Екатерина (1770–1854) и Софья (1775–1845).

В 1774 г. Бориса и Дмитрия, как тогда было принято у русской аристократии, записали в лейб-гвардейские полки: первого

⁵⁰ В своем дневнике А.С. Пушкин писал 7 апреля 1834 г.: «Моя «Пиковая дама» в большой моде. Игроки понтируют на тройку, семерку и туза. При дворе нашли сходство между старой графиней и кн. Натальей Петровной и, кажется, не сердятся...». — *Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в десяти томах.* М., 1958. Т. 8. С. 43.